

Вступительная

Мои дорогие родители и их замечательные гены наградили меня отличными зубами. Правда, в далёком детстве были они, как частокол, редкими и со щербинкой, как у Аллы Пугачёвой в молодости. В ту пору я не задумывалась о красоте моих зубов, зато было удобно «плюваться» наперегонки с соседскими мальчишками.

После того как распрощалась я с зубами молочными, периодически, под бабушкиным руководством выбрасывая выпавшие зубы в дырку подпола со словами «Мышка, мышка, возьми зуб репный, дай мне костяной да крепкий», – выросли у меня зубки ровные, белые, плотные, как у Аллы Пугачёвой в старости.

Почему зуб, который я отдавала обитательнице бабушкиного подпола, был из репы и что мышь делала с моими зубами, я спросить у бабушки не решалась, как и не поинтересовалась, почему кот Рыжик позволял мышке жить в бабушкином доме и где эта самая мышь берёт новые крепкие зубы для меня. И каким способом заталкивает их в мой рот.

Благодаря этим самым моим зубам, а вернее улыбке, которая обнажила их, заметил меня мой будущий муж, когда я вошла в пору совершеннолетия. Произошло это на пляже летним жарким днём. По версии моего Васи, я повернулась к нему и нежно улыбнулась. Моя же история судьбоносной улыбки такова: да, прохаживались

мы с подружкой по пляжу, но так как я была близорука, то сняла очки и ничего не видела дальше собственного носа. Сморщив из-за яркого солнца этот самый свой курносый нос, обнажила в оскале зубы. Так и шла, вертя головой по сторонам, изображая полноценную девушку. Но Васина версия мне понравилась гораздо больше реальной действительности, и спорить с ним я не стала.

После того как закрутился наш роман, представил меня Вася своему приятелю:

– Смотри, – говорит, – какие зубки у моей Маруси.

Я сначала хотела обидеться: «Что я, лошадь для продажи, хвалишь мои зубы?» Потом подумала и решила радостно принять комплимент от Васи. Улыбалась в тот раз я ещё шире, так что обнажила даже дёсны и у меня устали щёки.

Очаровательная

Моя любовь к шашлыкам и неумение пользоваться ножом и вилкой привели меня к первой зубной потере. Я так старательно грызла жестковатый кусок мяса, да ещё и с косточкой, что у меня откололся зуб, благо не передний. Муж Вася, не выдержав моего рёва и отказа идти в поликлинику, договорился с другом, у которого в приятелях ходил недавно приехавший в город доктор-стоматолог. Работал он неподалёку от нашего места жительства на одном из предприятий, где ему выделили площадь под кабинет. Слава о профессионализме заезжего эскулапа гуляла по городу. Фамилия у него была необычная – Беда, а звали по-старославянски Олег Святославович.

Привёл меня Вася к доктору. Встретил нас человек маленького росточку, в маске марлевой, лица не видать. Вася ушёл, а я в кресло села, волнуясь. Никогда не знала доселе, что такое зубная боль. И тут доктор взял меня за руку, рука тёплая, ласковая. Заговорил. Голос мужской, красивый, молоточками в голове постукивает. А глаза у него! Большие, голубые, умные и добрые.

«Батюшки, – думаю, – куда я попала?» Олег Святославович колдует во рту моём, а я недоумеваю, чего это люди зубных кабинетов боятся и других пугают?

Большо-то зубная всё же была. Противная такая, дерзкая. И бормашина жужжала. Да только я, как зачарованная, в глаза доктора украдкой поглядывала. Я книжки люблю читать про любовь да про жизнь, и не верила этим писателям, когда описывали «взгляд глубокий, я в них увидел...» А тут вдруг и я разглядела...

«Когда наше очередное свидание?» – «добил» меня своей нежностью Олег Святославович. Я вроде понимала, что он всем своим пациенткам так очередной визит на лечение назначает, а в голове ересь, будто только мне такое счастье выпало. Еле дождалась следующего посещения доктора Беды. Ай, и правда беда, неужели влюбилась? Да нет же, я только Васю люблю! Вот ведь грех какой случился!

Долго доктор над моим зубом колдовал, я успела даже в обморок хлопнуться. Да нет, так-то я баба крепкая, здоровая, только вот попыталась не дышать, чтобы доктору не мешать пломбу ставить. Он меня нашатырём натёр, говорит: «Дышите смело», а глаза так ласково смеются. Доктор, как закончил работу, Васю моего позвал, забирай, дескать, свою красавицу. И я его впервые без маски увидела: лицо как лицо, ничего особенного, небритое даже. Тут ему Вася, бочком так к столу подойдя, бутылку коньяка поставил. Поблагодарил доктор Васю и в стол её убрал. А мы с Васей домой ушли, оставляя за собой шлейф из «спасибо, спасибо...».

Спустя много лет зуб вокруг той крепкой «железобетонной» пломбы раскрошился, а она, пломба, стояла, как памятник доктору Бедке и моей неожиданно-непрощёной влюблённости. А доктора жалко, слишком часто «благодарили» его пациенты «пятивзвёздочным». Страдал от доброты душевной и гениального стоматологического таланта. Вот ведь беда!

Пришла пора с первым коренным зубом расстаться. Жалей не жалей – в запасе ещё много остаётся. Сижу перед кабинетом с другими такими же бедолагами, нервничаю, трясун-волнение внутри себя стараюсь успокоить. Настал мой черёд, захожу.

– Укольник платный будем ставить? – спрашивает доктор вежливо, руки моет.

Да всё отдашь, лишь бы боли проклятушей не чувствовать, голова как чугунок от неё трещит.

Ставит доктор укол, а сам говорит:

– Представьте себе, что вы на пляже, а там мужики... шашлыки...

А у меня с воображением полный порядок. Я моментально представила и захохотала. У доктора глаза удивлённые – только что женщина от боли кривилась, а тут хохочет.

Я вспомнила тот пляж, на котором меня Вася мой заприметил. А я же вам про него, про пляж тот, ничего не рассказывала. А было такое дело: на этой стороне реки, возле нашего города протекающей, берег был негодный для купальщиков – илистый да обрывистый. Зато по другую сторону, где деревушка стоит с забавным названием Рой-город, место для пляжа преотличное. Для того чтобы туда переправиться, ходил катерок от берега до берега. Прокопчёно-загорелая тётенька с кондукторской сумкой на груди продавала билетки на том судёнышке. Капитана-то не помню, а вот билетёрша в панаме и цветастых платицах въелась в память. Пляж-то был хороший, да вот только вместе с купальщиками-загоральщиками любили на нём поваляться местные, гуляющие сами по себе свиньи. Их солидные жирные тела располагались то тут, то там, по соседству с людьми. Друг другу не мешали. Кабанчики рыли пятаками себе лежанки в песке и валялись, рюхая и хрюкая от удовольствия, прикрывая маленькие глазки в белёсых ресницах. Это я рассказываю длинно, а в кабинете доктора картинка пролетела перед моими глазами мгновенно, выхватив из памяти и мужиков, разомлевших рядом

с кабанами от солнышка и выпитого алкоголя. «Мужики, шашлыки, пляж...»

Пока фантазировала да молодость вспоминала, пикнуть не успела, доктор дёрнул мой зуб, да и говорит:

– Возьмёте красоту свою на память?

Здрасьте вам! Вот ничего себе память, гнилушка костлявая! Был бы золотой, другое дело...

Смелая. А впрочем, наглая

Чтобы талон на лечение зубов успеть взять, прийти надо рано. Ещё поликлиника закрыта, а уже у дверей люди собираются, очередь занимают.

В этот раз пришла я третья, две женщины беседовали на крылечке. Утро прохладное, ветерок трепещет одежонку, а я страсть как мёрзнуть не люблю. Трясусь, но терплю.

За мной мужчина занял очередь, полный, большой, как шкаф. Я ещё подумала: «Вот он, наверное, не мёрзнет, как я, канарейка худосочная». Ну, о чём-то ж надо думать, время коротать.

Подходит бабулька. Впрочем, бабулькой её назвать нельзя, несмотря на её солидный пенсионный возраст. Я эту статную, высокую, хорошо одетую женщину помню. Всех «старых» торговых работников эпохи социалистического дефицита в лицо весь город знал.

Завязался разговор общий о том о сём. Начали, как правило, с погоды. Я вот что заметила: человек – это такая скотинка (простите, я не со зла обзываюсь), что всем он недоволен: стоит жара – жалуется; холод – ноет; дождя нет – злится; дождь идёт – опять сетует, залил всё, собака.

С погоды перешли на молодёжь. Торгашка наша (не обидитесь, если так её буду называть?) говорит:

– Вот ведь молодёжь пошла – наглая, бессовестная, старших не почитает!

– Позвольте с вами не согласиться, – робко так я продолжаю разговор. – Молодёжь эта – наши дети и внуки. Мы их вырастили и воспитали. Не с Марса же нам их завезли?

Торгашка гнёт свою линию, дама она словоохотливая и, видать, категоричная. Не стала я больше распляться, а тут как раз и дверь в поликлинику открыли, и все пациенты рванули внутрь. Не успели войти, слышу, как праведная наша торгашка у двери кабинета кричит: «Я ветеран труда, мне положено без очереди!» Мужчину, который крупный, как шкаф, легко оттолкнула и в кабинете скрылась. Все руками развели: «За чем тогда очередь занимала?»

С Марса, говорите, нам наглых деток завезли?

Курьёзная

Сломался зуб. Опять я стала жертвой моей любви к шашлыкам. В неравной схватке победил, вы не поверите, он, этот маринованный, на огне поджаренный, дымком пахнувший «жадина-говядина». До слёз меня довёл. А как же! Их, этих самых зубов, всё меньше во рту остаётся. Опять моё воображение разыгралось, представила, как в нашей с Васей спальне, на тумбочке около моей стороны кровати, в стакане с водой лежат мои «новые» зубы. Я такие бело-розовые протезы в детстве у бабушки в шкафу видела. И смешно, и страшно было.

Ной не ной, реви не реви – пошла в больницу. Стоматолог-ортопед, мужчина высокий, серьёзный, по фамилии приятной – Ватрушкин, – заглянув в мой рот, сказал:

– Надо коронку на зуб ставить. Идите в соседний кабинет к стоматологам-терапевтам, готовьтесь к протезированию.

Прошла я в кабинет, куда меня послали, и попала к доктору Амалии Карловне Ивановой. Она дама средних лет, полная, добрая, с юмором. Я у неё раньше бывала – лечила кариес. Пока лечит, всё тебе расскажет про пародонтоз, пародонтит и прочие возрастные оказии. Даже зубы правильно чистить научит. Вроде пустяк, а ведь целая наука – как щёткой орудовать, сколько времени, какой пастой...

Привычка у Амалии всех на «ты» называть. Я сначала удивилась такой фамильяр-

ности, вот я, например, всем «вы» говорю, независимо от возраста. А потом решила, что гениям-стоматологам «тыкать» можно!

Заглянула она в мой рот и послала меня на рентген. Пошлёпала я туда, где эти самые рентгеновские снимки делают, а там очередь. Заняла, сижу, приглядываюсь к публике. Рядом сидят дедок старый и парень молодой, они тоже со мной посещали кабинет номер 25. Только дедок был раньше меня у Амалии Карловны, а парень – в соседнем кресле у другого доктора.

Вот подошёл наш черед, «сняли» нас троих по очереди. В кабинете на меня тяжёлый фартук надели, в рот пластинку засунули: «Держите, – говорят, – пальчиком».

Ну вот, управились. Сидим ждём. Вскоре выносят нам небольшие такие чёрно-прозрачные снимочки, фамилии наши выкрикивают и раздают.

Поспешили обратно. Вернее, мы с парнем пытаемся идти бодро, а дед плетётся, ногами шаркает. Взяли мы над ним негласное шефство, идём вместе, в дедушкином темпе.

Дошли. Я «зарулила» к своему Ватрушкину, снимок показать. Глянул он мой снимок, помолчал немного и говорит:

– Жду вас, когда будете готовы.

Я в кабинет к Амалии Карловне. Слышу, она так громко дедку нашему глуховатому кричит:

– Дед, ты где этот снимок взял? Тут зубов полон рот, у тебя столько нет.

Мы с парнишкой, он тоже тут стоял, как по команде, на свет свои «фотки» глянули. На моём снимке сиротливо торчал один зуб.

Вот тут на всех нас напал хохот. А дедок головой крутит, понять ничего не может, чего это мы скалимся.

Домой я шла весёлая, но недоумевающая. О чём думал Ватрушкин В.С., когда я ему дедушкин снимок показывала?

Короче, идти протезироваться к нему я передумала. Пойду лучше к Крутову Б.Б., что в соседнем кабинете принимает. У него, правда, очередь длиннее, но ничего, подождём, нам не впервой, мы народ терпеливый.